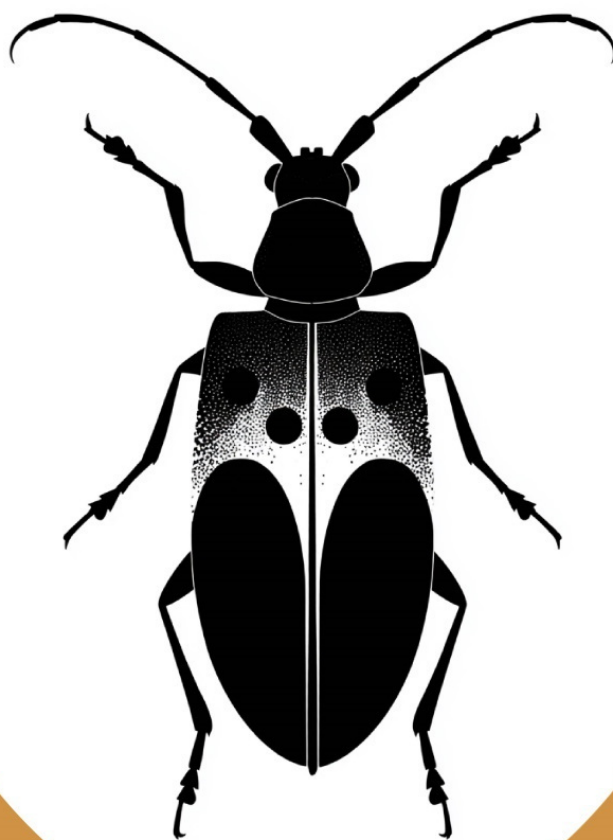

Литрес ≡ Классика

Эдгар По

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Эдгар Аллан По

Золотой жук

«ЛитРес»

1842

ББК 84(7США)

По Э.

Золотой жук / Э. По — «ЛитРес», 1842

Эксцентричный Уильям Легран, живущий отшельником на острове, находит загадочного золотого жука и клочок пергамента с таинственным шифром. Заподозрив, что в головоломке скрыто указание на местонахождение пиратского клада, он вместе с приятелем-рассказчиком и слугой отправляется на его поиски. Это классическая история о криптографии, логике и опасных приключениях.

ББК 84(7США)

© По Э., 1842
© ЛитРес, 1842

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Эдгар Аллан По Золотой жук

*Смотрите! Как пляшет этот малый! Его, наверное, укусил тарантул.
«Все не правы».*

*Edgar Allan Poe. The Gold-Bug (1847).
Перевод М. Энгельгардта (1896).*

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Несколько лет тому назад я близко сошелся с неким Вильямом Леграном. Он принадлежал к старинной гугенотской семье и был когда-то богат, но ряд неудач довел его до разорения. Чтобы избежать унижительных последствий этого несчастья, он покинул Новый Орлеан, город своих предков, и переселился на остров Сэлливан близ Чарльстона, в Южной Каролине.

Это весьма достопримечательный остров, он состоит почти сплошь из морского песка. Длина его три мили, наибольшая ширина – четверть мили. Его отделяет от материка едва заметный проток, пробирающийся сквозь тину и заросли камыша – любимый приют болотных курочек. Растительность, как легко можно себе представить, скудная, низенькая; сколько-нибудь крупных деревьев совсем нет. Только на западной оконечности острова, вокруг форта Моультри и нескольких жалких домиков, занимаемых на летнее время чарльстонскими жителями, спасающимися от городской пыли и лихорадки, встречаются колючие карликовые пальмы. Зато весь остров, если не считать этого уголка и печальной белесоватой полосы песка вдоль берега, одет густыми зарослями душистого мирта, столь ценимого английскими садоводами. Местами он достигает пятнадцати – двадцати футов в высоту, образуя почти непроходимую чащу и наполняя воздух благоуханием.

В самой глубине этой чащи, недалеко от восточной, наиболее удаленной от континента оконечности острова, Легран сам выстроил себе хижину, где и проживал в то время, когда я совершенно случайно познакомился с ним. Знакомство вскоре перешло в дружбу, так как многие черты в характере отшельника возбуждали сочувствие и уважение. Я убедился, что он получил хорошее образование, обладает недюжинным умом, но заражен мизантропией и подвержен странным перемежающимся припадкам энтузиазма и меланхолии. У него было с собою много книг, но он редко обращался к ним. Больше всего он любил охоту, рыбную ловлю, прогулки по морскому берегу и среди зарослей в поисках раковин и насекомых. Его энтомологической коллекции позавидовал бы Сваммердам¹. В этих экскурсиях его сопровождал старый негр Юпитер, освобожденный еще до разорения; но ни угрозы, ни обещания не могли заставить негра отказаться от того, что он считал своим правом: всюду следовать за своим «молодым масса Виллом». Весьма возможно, что родственники Леграна, опасавшиеся за его рассудок, поощряли Юпитера в его упрямстве, чтобы беглец не остался без всякого надзора и ухода.

На широте острова Сэлливан зимы редко бывают суровы, и даже осенью почти не приходится топить печи. Однако в половине октября 18... года выдался чрезвычайно холодный день. Перед самым закатом я пробирался сквозь чащу вечнозеленых кустарников к хижине моего приятеля, которого не навещал уже несколько недель. Я жил тогда в Чарльстоне, в девяти

¹ Сваммердам Ян (1637–1680) – голландский натуралист.

милях от острова, а сообщение между этими двумя пунктами было в те времена далеко не так удобно, как ныне. Добравшись до хижины, я, по обыкновению, постучал и, не получив ответа, отыскал ключ (я знал, где он хранится), отворил дверь и вошел. Яркий огонь пылал в печи. Это была неожиданность – и, разумеется, очень приятная. Я снял пальто, придвинул кресло к весело трещащим дровам и стал терпеливо дожидаться прихода хозяев.

Они явились с наступлением темноты и приветствовали меня очень сердечно. Юпитер, оскалив рот до ушей, принялся ошипывать болотных курочек и стряпать ужин. Легран оказался на этот раз в припадке энтузиазма, ибо как еще можно было назвать его состояние? Он нашел новую разновидность двустворчатой раковины; больше того – он поймал с помощью Юпитера жука, который казался ему представителем совершенно нового вида и которого он обещал показать мне завтра утром.

– Почему же не сегодня вечером? – спросил я, потирая перед огнем руки и мысленно посылая к черту всех жуков на свете.

– Да, если б я знал, что вы здесь! – ответил Легран. – Но вы так давно не навещали меня. Откуда мне было знать, что вы придете именно сегодня? Возвращаясь домой, я встретил лейтенанта Г. из форта и имел глупость отдать ему жука, так что вам не удастся увидеть его до завтра. Оставайтесь ночевать. Юп сбегает за ним на рассвете. Это чудеснейшая штука, какую можно себе представить.

– Что? Рассвет?

– Да нет, черт возьми, жук!.. Он яркзолотого цвета, величиной с крупный орех, с двумя черными, как смоль, пятнышками на верхнем конце спинки и третьим, подлиннее, на нижнем. Его усики...

– Никакого олова, масса Вилл, бьюсь об заклад, – перебил Юпитер, – жук золотой, весь золотой снаружи и внутри, только крылья не золотые. Я никогда не видел такого тяжелого жука.

– Хорошо, допустим, что ты прав, Юп, – сказал Легран, как мне показалось, несколько более серьезным тоном, чем того требовали обстоятельства, – но разве из этого следует, что дичь должна пережариться? Действительно, – продолжал он, обращаясь ко мне, – его цвет почти оправдывает утверждение Юпа. Вряд ли вы когда-нибудь видели надкрылья с таким ярким металлическим блеском... да вот сами завтра посмотрите. Пока я постараюсь дать вам понятие о его форме.

С этими словами он уселся за столик, на котором стояла чернильница с пером. Бумаги не было. Он пошарил в ящике, но и там ничего не оказалось.

– Все равно, – сказал он, наконец, – и эта годится.

Он вытащил из ящика клочок очень грязной старой бумаги и набросал пером рисунок. Пока он возился с ним, я попрежнему грелся у огня, так как все еще чувствовал озноб. Кончив рисунок, он передал его мне, не вставая с места. В эту минуту послышалось громкое рычание, и кто-то стал царапать в дверь. Юпитер отворил, и огромный ньюфаундленд Леграна ворвался в комнату, положил мне на плечи лапы и стал осыпать меня ласками: я очень подружился с ним в мои прежние посещения. Когда он утомился, я взглянул на бумагу и, правду сказать, был весьма озадачен рисунком моего друга.

– Да, – сказал я, поглядев на него несколько минут, – признаюсь, странный жук, совершенно мне неизвестный; я никогда не видывал ничего подобного. Пожалуй, он похож на череп... да... на череп он похож поразительно.

– На череп! – повторил Легран. – Пожалуй, вы правы; на рисунке он несколько напоминает череп. Два черных верхних пятнышка имеют вид глаз, а длинное нижнее похоже на рот, общая форма овальная...

– Может быть, и так, – ответил я, – но, Легран, боюсь, что вы не мастер рисовать. Уж я лучше подожду самого жука, прежде чем судить о нем.

– Отлично, – сказал он, слегка уколотый. – Но я, кажется, рисую сносно, – по крайней мере этого следовало бы ожидать. Я учился у хороших мастеров и полагаю, что не вполне бездарен.

– В таком случае, дружище, вы подшутили надо мною, – возразил я. – Это очень недурной череп, можно даже сказать, превосходный череп, отвечающий самым точным требованиям остеологии, и если ваш жук похож на него, то это действительно самый странный жук на свете. Он может подать повод к какому-нибудь суеверию. Вы, конечно, назовете его *scarabaeus carut hominis*², или что-нибудь в этом роде: такие названия часто встречаются в естественной истории. Но где же у него усики, о которых вы говорили?

– Усики! – с непонятной для меня горячностью сказал Легран. – Неужели вы не видите усиков? Я нарисовал их так же явственно, как в натуре. Надеюсь, этого довольно.

– Ну, что ж, – ответил я, – допустим, что вы их и нарисовали, только я их не вижу.

И я протянул Леграну бумажку без дальнейших возражений, так как я не хотел выводить его из себя. Но меня очень удивлял оборот, который приняла эта история; его раздражение сбивало меня с толку: у жука на рисунке, честное слово, не было никаких усиков, и в целом он изумительно походил на обыкновенный череп.

Он с недовольным видом взял бумагу и хотел, видимо, скомкать ее и бросить в огонь, но, случайно взглянув на рисунок, замер, словно прикованный к нему. Лицо его побагровело, потом сильно побледнело. В течение нескольких минут он, не двигаясь с места, внимательно рассматривал рисунок. Затем встал, взял со стола свечу и уселся на сундуке в другом конце комнаты. Там он снова углубился в рассматривание бумаги, вертя ее во все стороны. Однако он ничего не сказал, и, хотя его поведение очень удивляло меня, я не желал расспросами усиливать его раздражение. Наконец, он достал из кармана бумажник, тщательно уложил в него листок и спрятал в конторку, замкнув ее на ключ. После этого он успокоился, но прежний энтузиазм уже не возвращался к нему. Впрочем, он казался скорее задумчивым, чем угрюмым. Задумчивость эта росла с часу на час, и все мои попытки рассеять ее оставались тщетными. Я хотел было переночевать в хижине, как часто делал это раньше, но при таком настроении хозяина счел более удобным уйти. Он не удерживал меня, но на прощанье пожал мне руку даже сердечнее, чем обычно.

Спустя месяц (в течение которого я ничего не слышал о Легране) ко мне в Чарльстон явился его слуга Юпитер. Я никогда еще не видал добродушного старого негра в таком удрученном состоянии и не на шутку испугался: не случилось ли с моим приятелем какой-нибудь беды.

– Ну, Юп, – спросил я, – что нового? Как поживает твой господин?

– Сказать правду, масса, поживает он не так хорошо, как следовало бы.

– Нехорошо? Меня это огорчает. На что же он жалуется?

– Ах! Вот в том-то и дело! Он ни на что не жалуется, но он очень болен.

– Очень болен? Что же ты сразу не сказал? Он лежит?

– Ну нет, не лежит. Все ходит. В этом-то и беда. Ох, меня очень беспокоит бедный масса Вилл.

– Что ты мелешь, Юпитер? Понять не могу! Ты сказал, что твой хозяин болен. А он не говорил тебе, что с ним?

– Нет, масса... Масса Вилл уверяет, что с ним ничего... Тогда зачем же он ходит взад и вперед, согнувшись, опустив голову и белый, как гусь? И зачем все время пишет и пишет цифры...

– Что он пишет, Юп?

---

² Жук – смерть человеку.

– Пишет цифры и знаки на грифельной доске... таких смешных знаков я еще никогда не видел... Мне даже страшно... Нельзя спускать с него глаз. Вчера он убежал – и пропал на целый день... Я сделал палку, хотел вздуть его, когда он вернется... но он пришел такой грустный, что мне, старому дураку, стало жалко его...

– Вот как?.. В самом деле. Нет, не обращай с ним жестоко... не бей его, Юпитер, – он, пожалуй, не вынесет этого. Но что же вызвало эту болезнь, или, вернее, эту перемену в его поведении? Случилось что-нибудь неприятное после того, как я был у вас?

– Нет, масса, после не было ничего неприятного, а вот до того... да, боюсь, что это случилось в тот самый день...

– Как? Что ты хочешь сказать?

– Да, масса, я хочу сказать, что это жук, вот и все.

– Что?

– Жук... Я думаю, что золотой жук укусил масса Вилла в голову.

– Да почему же ты так думаешь, Юп?

– У него огромные когти и морда. Я никогда еще не видел такого проклятого жука: он кусает, что ни попадет. Масса Вилл сперва схватил его за ногу и сразу же выпустил, – тогда-то жук, верно, и укусил его. Мне этот жук с таким страшным ртом не понравился с самого начала; я не стал брать его руками, а взял клочок бумажки и завернул его, да и в рот ему сунул бумажку. Вот как я сделал!

– Так ты думаешь, что жук действительно укусил твоего господина и от этого он заболел?

– Я ничего не думаю – я знаю. А то почему бы ему все снилось золото, коли золотой жук не укусил его? Я слышал уже о них, об этих золотых жуках.

– Да почему ты знаешь, что ему снится золото?

– Почему знаю? Да он говорит во сне про золото – вот почему знаю.

– Ну, может быть, ты и прав, Юп. Но какому счастливому обстоятельству обязан я сегодня честью твоего посещения?

– Что такое, масса?

– Ты с каким-нибудь поручением от господина Леграна?

– Нет, масса, у меня только вот эта записка.

И Юпитер подал мне бумажку, на которой я прочел:

«Дорогой мой, что это вас не видно? Неужели вы обиделись на маленькую резкость с моей стороны? Нет, это слишком невероятно. С тех пор как мы виделись с вами последний раз, меня одолевает беспокойство. Мне нужно рассказать вам кое-что, но я не знаю, как за это приняться, не знаю даже, рассказывать ли вообще.

В последнее время мне нездоровилось, и старик Юпитер донял меня своими заботами. Поверите ли? – на днях он вырезал здоровенную дубину и хотел отколотить меня за то, что я ушел утром, не известив его, и провел весь день один среди холмов на материке. Кажется, только мой болезненный вид избавил меня от побоев.

Со времени нашей последней встречи я ничего не прибавил к своей коллекции.

Если можете, приезжайте с Юпитером. Приезжайте! Мне нужно видеть вас сегодня по важному делу. Уверяю вас, по очень важному делу.

Весь ваш

Вильям Легран».

Что-то в тоне этой записки серьезно встревожило меня. Она совсем не походила на обыкновенные письма Леграна. Что за фантазия пришла ему в голову? Какая новая химера обуяла его слишком впечатлительный мозг? Какое «важное дело» могло быть у него? Рассказ Юпитера не сулил ничего доброго. Я опасался, что постоянные неудачи в конце концов серьезно повредили рассудок моего друга. Я ни минуты не колебался и отправился вместе с негром.

У берега нас ожидала лодка, на дне которой я увидел косу и три лопаты.

– Это что еще такое, Юп? – спросил я.

– Это, масса, коса и лопаты.

– Вижу. Но зачем они?

– Масса Вилл приказал мне купить ему в городе косу и лопаты, и я заплатил за них дьявольскую кучу денег.

– Да объясни же мне, во имя всего таинственного, на что твоему «масса Виллу» коса и лопаты?

– Этого я не знаю, и черт меня побери, если он сам знает это! Все дело в жуке.

Видя, что от Юпитера, все мысли которого, казалось, сосредоточились на жуке, ничего путного не добьешься, я уселся в лодку и поднял парус. Свежий сильный ветер живо доставил нас в бухту к северу от форта Моультри, а оттуда уже, пройдя около двух миль, мы добрались до хижины. Было почти три часа пополудни. Легран ждал нас с большим нетерпением. Он пожал мою руку с нервной горячностью, встревожившей меня и усилившей мои первоначальные подозрения. Лицо его поразило меня своей прозрачной бледностью, а глубоко запавшие глаза светились неестественным блеском. Осведомившись о его здоровье и не зная, что еще сказать, я спросил, получил ли он, наконец, жука от лейтенанта Г.

– О да, – ответил он, сильно покраснев, – получил на другое же утро. Ни за что на свете не расстанусь я с этим жуком! Вы знаете, ведь Юпитер-то совершенно прав.

– Как так? – спросил я, и сердце мое сжалось от грустного предчувствия.

– Помните, он говорил, что жук из чистого золота?

Легран произнес эти слова тоном глубокого убеждения, смутившим меня донельзя.

– Жуку этому суждено добыть мне богатство, – продолжал он с торжествующей улыбкой, – он вернет мне мое утраченное наследство! Еще бы мне не дорожить им! Раз фортуна послала мне его, нужно только правильно этим воспользоваться, и я найду золото, на которое он указывает... Юпитер, принеси мне жука!

– Что? Жука, масса? Нет, я не хочу с ним связываться, берите его сами!

Легран встал с важным и серьезным видом и, вынув жука из-под стеклянного колпака, где он хранился, принес его мне. То был великолепный жук, еще неизвестный естествоиспытателям, – находка бесспорно интересная с научной точки зрения. На верхнем конце спинки у него было два черных круглых пятнышка, на нижнем – одно продолговатое. Твердые блестящие надкрылья горели, как настоящее золото. Насекомое оказалось чрезвычайно тяжелым, так что, приняв в соображение все эти обстоятельства, можно было не удивляться заблуждению Юпитера, но я решительно не понимал, почему Легран соглашался с ним.

– Я послал за вами, – сказал он торжественным тоном, когда я осмотрел жука, – я послал за вами, чтобы просить у вас совета и помощи в осуществлении указаний судьбы и жука...

– Дорогой Легран, – воскликнул я, перебивая его, – вы положительно нездоровы! Вам следует принять меры предосторожности. Лягте-ка в постель, а я останусь с вами на несколько дней, пока вы не поправитесь. У вас лихорадка и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.